

А.Н. Конин*

«...ЭТИ ГОСПОДА, ДЕЙСТВУЯ
В КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЦЕЛЯХ,
ИСПОЛЬЗОВАЛИ СВОЕ ВЫСОКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ»: ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ
А.Я. ВЫШИНСКОГО 27 ДЕКАБРЯ 1930 Г. В НАРКОМПРОСЕ
ОБ ИТОГАХ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА «ПРОМПАРТИИ»

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-18
УДК 34.32

Выходные данные для цитирования:
Конин А.Н. «...Эти господа, действуя в контрреволюционных целях, использовали свое высокое положение советских ученых деятелей»: из выступления А.Я. Вышинского 27 декабря 1930 г. в Наркомпросе об итогах судебного процесса «Промпартии» // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 268–290. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-18.pdf>

A.N. Konin*

“...THESE GENTLEMEN, ACTING FOR
COUNTER-REVOLUTIONARY PURPOSES, USED THEIR
HIGH POSITION AS SOVIET SCIENTISTS. FROM
THE SPEECH OF A.YA. VYSHINSKY ON 27 DECEMBER 1930
AT THE PEOPLE’S COMMISSARIAT OF EDUCATION
ON THE OUTCOME OF THE ‘INDUSTRIAL PARTY’ TRIAL”

doi:10.31518/2618-9100-2025-1-18

How to cite:
Konin A.N. “...These Gentlemen, Acting for Counter-Revolutionary Purposes, Used Their High Position as Soviet Scientists. From the Speech of A.Ya. Vyshinsky on 27 December 1930 at the People’s Commissariat of Education on the Outcome of the ‘Industrial Party’ Trial” // Historical Courier, 2025, No. 1 (39), pp. 268–290. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-18.pdf>]

Abstract. Post-Soviet historiography is actively studying the causes, proceedings and results of the staged trial of the mythical ‘Industrial Party’ that took place in Moscow from 25 November to 7 December 1930. The aim of these scholarly reconstructions is to reveal clear discrepancies and contradictions between the goals of the Stalinist leadership, officially announced in the propaganda accompanying the trial, and the officially proclaimed successes and their consequences of their actual consequences. It is impossible to verify the achievement of both key objectives (to legally establish the existence and ‘defeat’ of the largest domestic ‘wrecking’ organization and to thwart the West’s alleged ‘interventionist’ plans against the USSR) due to the absence of any objective evidence for either the very existence of the ‘Industrial Party’ or the development of plans for invasion against the Soviet Union during the specified period. The evidence is more tangible and specific for the effects of ‘wrecking’ trials and repressive campaigns on the militarization of Soviet life, the rise of social tensions, and anti-intellectual attitudes in both society and the political leadership, with their inevitable consequences for industry and beyond. This documentary publication (the transcript of A.Y. Vyshinsky’s speech to the active members of the People’s Commissariat of Education after the completion of the ‘Industrial Party’ trial) is valuable for reconstructing the technologies used to shape in the consciousness of corporate groups of managers, not the actual, but the mythical results of the trial.

Keywords: “Industrial Party” trial, ideological and propaganda support, A.Y. Vyshinsky, mythical and real consequences.

The article has been received by the editor on 02.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Артем Николаевич Конин**, магистрант, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: a.konin@gsu.ru

Artem Nikolaevich Konin, Master’s Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: a.konin@gsu.ru

Аннотация. В постсоветской историографии достаточно активно изучаются причины, ход и результаты показательного судебного процесса над мифической «Промышленной партией», проходившего в Москве 25 ноября – 7 декабря 1930 г. Задачами исследовательских реконструкций становится выявление очевидных разрывов и противоречий между целями сталинского руководства, официально озвученными в сопровождавшей процесс пропаганде и объявленными успешно достигнутыми и реальными последствиями их осуществления на практике. Выполнение обеих целевых задач процесса (доказать юридически существование и «разгром» крупнейшей внутренней «вредительской» организации и тем самым сорвать готовившиеся Западом «интервенционистские» планы в отношении СССР) невозможно верифицировать за отсутствием объективных фактов наличия как самой «Промпартии», так и разработки планов вооруженной агрессии против советской страны в указанный период. Более конкретны и предметны доказательства влияния «вредительских» судебных процессов и репрессивных кампаний на милитаризацию жизни страны, рост социальной напряженности и антиинтеллигентских настроений в обществе и во власти с их неизбежной проекцией на производственную сферу и т.д. Данная документальная публикация (стенограмма выступления А.Я. Вышинского перед активом Наркомпроса через три недели после завершения процесса «Промпартии») представляет ценность с позиций реконструкции технологий закрепления в сознании корпоративных групп управленцев не реальных, а именно мифических результатов проведенного процесса.

Ключевые слова: судебный процесс «Промпартии», идеолого-пропагандистское сопровождение, А.Я. Вышинский, мифологические и реальные последствия.

Статья поступила в редакцию 02.02.2025 г.

Проходивший в Москве с 25 ноября по 7 декабря 1930 г. в Колонном зале Дома Союзов показательный судебный процесс по «делу «Промпартии»», где также два с половиной года назад состоялся первый (Шахтинский, 18 мая – 6 июля 1928 г.) в ряду знаковых открытых так называемых вредительских процессов, продемонстрировал укрепление торжества сталинской доктринальной установки на «обострение классовой борьбы по мере строительства социализма» путем переноса ее в советское законодательно-правовое пространство. В исследовательской литературе достаточно обоснованно указывается на желание сталинского руководства укреплять и наращивать в массовом общественном сознании мобилизационный потенциал противодействия некоей угрозе для страны в соединении «контрреволюции внутренней» и «интервенции внешней». Названные выше судебные процессы призваны были обеспечить юридическую легитимность данной доктрины путем предъявления стране и миру доказательств существования указанного выше объединенного «анти-советского блока».

Феномен «Больших вредительских» процессов, прошедших в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг., куда, помимо «Шахтинского» и «Промпартии», исследователи относят и проведенный вскоре открытый процесс над столь же мифическим и не существовавшим в действительности «Союзным бюро меньшевиков» (1–9 марта 1931 г.), имеет в своем современном исследовании несколько измерений. Среди основных – реконструкция механизмов и практик организации, подготовки, проведения и выявления очевидных последствий данных процессов. В свою очередь, по мере разработки указанной центральной проблематики, которая далеко не исчерпывается вышедшими аналитическими и документальными публикациями¹, остается важнейший вопрос, относящийся скорее к разряду общеисториче-

---

¹ Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972; Ефимов Е., Щетинов Ю. Три процесса над старой интеллигенцией // Политическое образование. 1989. № 6. С. 69–76; Есиневиц А.А. Театр абсурда или судебный процесс по «Шахтинскому делу». СПб., 2004; Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги:

ского, контекстного характера – в какой мере данные широкомасштабные и крайне ресурсозатратные усилия большевистского руководства по проведению данных процессов достигали поставленных целей и в какой мере влекли за собой так называемые издержки, именуемые в литературе «непреднамеренными последствиями»².

«Большие вредительские», сопровождаясь массовой пропагандой, обладали способностью комплексного воздействия на власть, идеологию и общество, поэтому в историографии за ними закрепился статус социокультурного феномена³. Первое в своем ряду «Шахтинское дело» создавало концепт «вредительства», интегрируя данную идеологию в массовое общественное сознание. В литературе сделан вывод, что «процесс был “поставлен” большевистским руководством ради и для рабочей среды, а “спецы” являлись объектом общей социальной неприязни»⁴. Процесс 1928 г. фактически был одобрением «спецедействия» на государственном уровне. Обратным эффектом такого «сигнала» явилось снижение производственных показателей, что показал С.В. Шарапов: «последствия показательной расправы над “вредителями” приобретали деструктивный характер, с трудом поддавались контролю и дестабилизировали производственный процесс»⁵. Сфабрикованное в 1930 г. дело «Промпартии» отличалось преобладанием фактора внешней угрозы («интервенция») вместо культивирования опасности «вредительства». Несомненно, что здесь была тенденция к преодолению «непреднамеренных последствий» «Шахтинского дела». Идеологическая перестановка нивелировала конфликтные издержки 1928 г., расширяя спектр потенциально достижимых целей процесса.

Сталинское руководство возлагало на процесс «Промпартии» политические, экономические и даже внешнеполитические задачи. Фундаментальной целью было сохранение репутации советской власти путем списания неудач форсированной индустриализации на «вредительство» буржуазных специалистов. Поднятие трудового энтузиазма посредством пропаганды «интервенции» составляло своего рода программу-максимум данной кампании. Фактор внешней угрозы позволял создавать образ «оборонительной индустриализации», обеспечивая распространение активизма на производстве. Впервые ставилась задача мобилизации инженерного труда, поскольку «спецедействие» предупреждалось. Такого эффекта предполагалось добиться, создавая образ раскаявшихся «вредителей», что гарантировало решение ЦИКа о смягчении приговора осужденным⁶. С другой стороны, тезис о «французской интервенции» давал возможность Коминтерну консолидировать аудиторию на Западе вокруг угрозы СССР.

Таким образом, процесс «Промпартии» задумывался как мощный инструмент, и стоит отметить, апробированная в 1930 г. линия «интервенции» легла в основу последующего процесса. Тем не менее открытым остается вопрос о результативности процесса в осуществлении «заказа» Политбюро, его влияния на массовое общественное сознание.

Некоторые направления разработки данной проблематики исследователи могут выявить благодаря обращению к пропагандистским, публицистическим и другим источникам, исходившим не только от Сталина и его непосредственного окружения (свидетельств такого рода относительно немного и они в целом известны), но и непосредственных исполнителей, проводников в судебных заседаниях доктринального концепта «вредительства», среди которых ключевыми фигурами выступали на упомянутых выше процессах

в 2 кн. М., 2010–2011; Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности: в 2 кн. М., 2014; Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. М., 2016–2017.

² Мертон Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

³ Соскин В.Л. Шахтинское дело в ракурсе социально-культурного подхода // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8, № 1. С. 50–58.

⁴ Красильников С.А. Инсценирующая диктатура. 90 лет Шахтинскому процессу 1928 г // ЭКО. 2018. № 6 (528). С. 160.

⁵ Шарапов С.В. Идеолого-пропагандистское обеспечение Шахтинского судебного политического процесса (март-декабрь 1928 г.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2018. С. 161.

⁶ Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги... Кн. 1. С. 625–626.

Н.В. Крыленко в качестве государственного обвинителя и А.Я. Вышинский, председательствовавший на первых двух из трех перечисленных процессах. Но если многочасовые речи Крыленко не только тиражировались периодической печатью в ходе самих процессов и затем переиздавались отдельным изданием⁷, то А.Я. Вышинский оставался «в тени», хотя в его функции входила организационно-правовая координация в ходе проведения самого судопроизводства, включая не только входившую и исходившую документацию, но и надзор над пропагандистской кампанией, сопровождавшей процессы «Шахтинский» и «Промпартии» (в частности, лично просматривал и визировал контент звукового документального фильма о процессе «Промпартии»).

Тем не менее по окончании процесса «Промпартии» он весьма активно выступал в качестве интерпретатора его итогов в различных корпоративных аудиториях, прежде всего с теми, с которыми он был связан своей профессиональной деятельностью как высокопоставленный функционер Наркомпроса РСФСР. В 1928–1930 гг. он возглавлял Главное управление профессионального образования (Главпрофобр), одновременно являлся членом коллегии Наркомата просвещения РСФСР и зам. председателя Государственного ученого совета.

В фонде Верховного Суда СССР в делопроизводстве секретариата Прокуратуры Суда сохранились четыре документальных источника, три из которых содержат в себе практически не правленные стенограммы выступлений Вышинского в профессиональных закрытых аудиториях, а также лично отредактированный текст для публикации.

Первая стенограмма датирована 9 декабря 1930 г. – Вышинский выступал на митинге сотрудников Наркомпроса⁸. 14 декабря в канцелярию пришла телеграмма следующего содержания: «не знаю правильно я сделала – взяв из Вашей стенограммы часть материала. Очень прошу Вас сделайте для “Юного коммуниста” (теоретич. журнал ЦК ВЛКСМ) статью, вплоть до 1 печатного листа»⁹. Высланные фрагменты были отредактированы лично Вышинским и отправлены в редакцию 16 декабря¹⁰. 27 декабря Вышинский выступал на открытии сессии Государственного ученого совета (далее – ГУС)¹¹. Другая стенограмма – выступление Вышинского на собрании инженерно-технических сил Народного Комиссариата путей сообщения (далее – НКПС) от 4 января 1931 г. Среди перечисленных речей Вышинского в научный оборот введен только доклад с митинга Наркомпроса¹². Предметом данной документальной публикации является стенограмма выступления Вышинского, состоявшегося 27 декабря.

При сравнении выявленных текстов с авторством Вышинского нетрудно установить их структурную и содержательную преемственность между собой. Помимо очевидной причины (их создатель при всем своем желании не мог бы выйти за рамки официальной точки зрения на причины, ход и результаты проведенного под его председательством процесса), повторяемость ключевых сюжетных линий в выступлениях Вышинского диктовалась задачей усиления и закрепления достигнутого перед целевыми аудиториями, прежде всего управленцами высшего звена в системе Наркомпроса, которым предстояло в дальнейшем пропагандировать в образовательных кругах данные властью оценки процесса как «новой формы классовой борьбы путем вредительства». Среди центральных линий Вышинским выделялись следующие, перечисленные ниже.

Тезис первый об особой сложности и трудности проведения процесса, который нес в себе кардинальное отличие от традиционных гласных судебных процессов с характеристиками независимого суда, состязательности сторон обвинения и защиты, противостояния подсудимых предъявленным обвинениям и т.д. Вышинский признавал, что данный процесс был лишен ряда данных атрибутов, переведя сам его характер совершенно в иную, идеолого-

⁷ Крыленко Н.В. Судебные речи. 1922–1930. М., 1931.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8131. Оп. 8. Д. 22. Л. 10–36.

⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 2–9.

¹¹ Там же. Оп. 7. Д. 10. Л. 1–53.

¹² Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги... Кн. 2. С. 725–738.

мировоззренческую плоскость как противостояние и борьбу двух миров – советского и мирового буржуазного, историческое значение которого заключалось в разоблачении интервенционистских замыслов западных кругов показаниями самих же их наемников – «вредителей». Эта борьба на данном этапе, по мнению Вышинского, закончилась очевидной победой советской стороны, поскольку западным правительственным кругам и их печатным органам не удалось замолчать и дискредитировать значение и результаты пролетарского суда.

Тезис второй заключался в том, что содержание и ход суда убедительно развеяли мифы западной враждебной пропаганды о выстроенности всего процесса на самооговорах подсудимых. Да, указывал Вышинский, подсудимые, прежде всего Рамзин и Федотов, произносили на суде двух-четырёхчасовые речи, имея перед собой записи (Вышинский именовал их «конспектами»), которые каждый из них составил на основании знакомства с ранее сделанными ими показаниями на стадии чекистского следствия, но из этого не следовало делать выводы, как это делала буржуазная пресса, что они зачитывали заранее подготовленные следователями тексты. Вышинский опровергал это указанием на то, что в ходе последующих вопросов членов суда и перекрестных допросов самих подсудимых между собой и с призванными свидетелями никаких противоречий в их показаниях на суде выявлено не было. Более того, Вышинский стремился обосновать искренность и добровольность показаний подсудимых тем, что уже в ходе судебных слушаний последние стремились сообщать сведения сверх того, что было зафиксировано протоколами на предварительном следствии.

Третий тезис трудности ведения судебных слушаний, по Вышинскому, состоял в том, что на них не фигурировали традиционные для судов такого рода «объективные доказательства» или прямые улики, подтверждавшие преступные деяния подсудимых (документы, переписка, крупные конфискованные при арестах суммы денег, оружие и т.д.), а все выстраивалось на показаниях самих подсудимых. По Вышинскому, основной причиной дачи ими откровенных разоблачительных в отношении себя и других лиц показаний выступало главное – у них не было чувства внутренней правоты в том, что они совершали. Ими после ареста двигало чувство раскаяния в предательстве своего народа, они не имели внутренней моральной опоры, чтобы противостоять советскому строю, поэтому не требовалось никакого применения к ним физических или иных мер воздействия, они сами признали психологическое облегчение, дав соответствующие показания на следствии и в суде.

В действительности же Вышинский в своих выступлениях строго соответствовал ролевой функции представителя советской юстиции и говорил ровно то, чего от него и желала услышать та или иная аудитория. Сам председательствовавший на процессе «Промпартии» безусловно знал практически все теневые стороны проведенного чекистами следствия, представлял себе принципы отбора конкретных лиц для выведения их на открытый процесс, равно как и то, как и на чем «ломались» арестованные, часть из которых не сразу давала «признательные показания», а некоторые из потенциальных фигурантов скончались в тюрьме еще до начала процесса, что основой и движущей силой в конструировании этой мифической и никогда в природе не существовавшей «Промпартии» служила конкурентная борьба двух структур внутри ОГПУ – экономического и секретно-оперативного управлений, соревновавшихся между собой с Шахтинских событий 1928 г. в первенстве и масштабности фабрикации арестов и ведения следствия по делам, связанным с «вредительством» в различных отраслях народного хозяйства.

Пересмотр ЦИК СССР расстрельного приговора в отношении четырех главных обвиняемых на процессе с заменой казни на длительные сроки заключения не означал «бескровности» в отношении ряда арестованных в связи с процессом (несколько человек были расстреляны по решениям внесудебного органа – Коллегии ОГПУ по обвинению в создании «террористической ячейки», о чем в открытом суде даже не упоминалось, и данный перечень сопутствовавших процессу репрессий можно продолжить).

Остается открытым для дальнейших исследований вопрос о результативности самого процесса «Промпартии» с точки зрения его организаторов и исполнителей. Очевидное предположение может состоять в том, что процесс во всех его главных направлениях (идеолого-пропагандистском, судебном-процессуальном, социально-мобилизационном) имел практически целиком воздействие на внутреннюю ситуацию в стране, на формирование у лояльных власти категорий населения массового оборонного сознания («страна как осажденная крепость»), на дисциплинирование страхом в ходе непрерывного выявления «вредителей» у части управленцев на производстве и в корпоративной среде инженерно-технической и научной интеллигенции. Несмотря на значительные финансовые, материальные и организационные ресурсы по продвижению и пропаганде на Западе советской трактовки процесса «Промпартии», «исторического», по мнению Вышинского, международного резонанса процесс не получил. Поэтому естественно, что основные усилия организаторов процесса направлялись на внутреннюю аудиторию, о чем свидетельствовала и активность Вышинского в его послепроцессных выступлениях.

Публикуемая ниже стенограмма речи в недавнем прошлом председателя Специального присутствия Верховного Суда нацеливалась на то, чтобы усилить психологическое воздействие на круги просвещенцев путем доведения в целом известной аудитории информации, но полученной «из первых рук». В своем выступлении, помимо уже отмеченных выше трех базовых тезисов, Вышинский позволил себе в несколько большем объеме порассуждать о такой изначальной, по его мнению, причине «краха» всей «вредительской» деятельности подсудимых, как отсутствие для нее социальной базы, сводившейся к «верхушке буржуазно-технической интеллигенции». Тем не менее, выделяя в составе подсудимых профессорскую часть (Федотов, Калинин, Чарновский), имевших действительно дореволюционный опыт участия в предпринимательской деятельности, он не мог присоединить сюда того же Рамзина и Очкина, профессиональная работа которых разворачивалась уже в послереволюционный период.

Особое внимание, учитывая состав данной аудитории, Вышинский уделил формам проявления «вредительства» в научно-исследовательской сфере, акцентировав внимание на деятельности руководимого Рамзиным Всесоюзного теплотехнического института, где юрист, не обладавший знаниями в данной области, применил «объективистский» прием, ссылаясь уже не на признание самого Рамзина на следствии и в суде, а на экспертные оценки других специалистов-теплотехников. Хотя в приведенном случае с неудачами Института в поисках подходов к использованию в промышленности пылевидного топлива сам Вышинский невольно признал, что предлагались и конкурировали между собой различные пути к решению этой проблемы.

Другим важным акцентом в речи Вышинского перед аппаратными работниками Наркомпроса стала задача выявления и изживания «вредительства» в преподавании в высшей школе, тема тем более «благодатная», что четверо из восьми осужденных на процессе являлись ведущими преподавателями известных московских институтов. Априори утверждалось, что они не могли не быть противниками проводившейся с конца 1920-х гг. реформы высшей школы, направленной на приоритетную подготовку новых кадров для индустрии, транспорта, строительства.

Стенограмма выступления Вышинского публикуется в сокращении. В ней публикатором опущены те места, где выступающий в силу необходимости прибегал к использованию идеолого-пропагандистских стереотипов и установок (помечены угловыми скобками с отточием). Помимо этого, в ряде случаев Вышинский местами цитировал выдержки из западной печати, но в самой стенограмме они не отражены и помечены словом /«читает»/. Сам текст выступления Вышинский просматривал и делал в нем незначительные правки, не прибегая к тщательному редактированию, поскольку выступление не предусматривалось для публикации. Можно предположить, что Вышинский вычитывал стенограмму не за один раз, так как цвета чернил соответствуют разным частям текста. С другой стороны, он мог пересматривать выступление, раздумывая о возможности его публикации. Текст приводится

в сохранении норм «новояза» того времени и оборотов, типичных для устного выступления. Исправлению без оговорок подлежали только допущенные иногда стенографистками опечатки.

* * *

Выступление А.Я. Вышинского перед членами Государственного ученого совета Наркомпроса об итогах судебного процесса «Промпартии»

27 декабря 1930 г.

СТЕНОГРАММА ДОКЛАДА тов. ВЫШИНСКОГО НА СЕССИИ ГУС^а
27/12–1930 года.

<...> Два года тому назад, как вы помните, мы имели шахтинский процесс. Мне также пришлось проводить этот процесс в качестве председателя специального присутствия Верховного Суда, как пришлось проводить теперь аналогичный процесс промпартии¹. Нужно сказать, что несомненно между шахтинским процессом и процессом промпартии, как между заговором шахтинцев и заговором членов промпартии, существует определенная общность и, как это теперь установлено, несомненная их организационная связь. Однако, шахтинский процесс и процесс промпартии показали, что и в области вредительства и организованной *контр-революционной*^а борьбы капиталистических элементов в нашей стране, с одной стороны и капиталистическим миром, окружающим нашу страну, с другой стороны – вся эта работа меняется в своем содержании, меняется в своей тактике, приспособляясь к новым условиям, в которых приходится развиваться этой работе и в высокой степени используя все те возможности, которые можно было бы назвать легальными возможностями, и *общие*^б возможности, какие оказываются самыми подходящими^в наиболее приспособленными для того, чтобы их использовать в максимальной степени для своих преступных и контр-революционных целей².

В самом деле – если бы мы обратились к анализу Шахтинского дела, то мы должны были бы *притти*^г к заключению, что центром этого дела лежал не в том, в чем лежал центр дела промышленной партии. Мы знаем, что шахтинские герои, так наз. шахтинские вредители^{д, е} ставили своей задачей срыв нашего хозяйственного строительства. И в этом процессе было установлено, что одним из важнейших центров этой преступной работы против СССР являлся тот же Париж³.

Но нужно сказать, что из самого обозрения обвинительного заключения^ж по Шахтинскому процессу видно, что там отсутствует целый ряд таких статей, которые квалифицируют преступления и лишь впервые квалифицируемые с такой отчетливостью по отношению к промышленной партии.

В шахтинском деле мы имеем, главным образом, 58-ю ст. под знаком 7 и, затем, 58-ю статью под знаком 11, по которым шло разбирательство дела. 58-я статья говорит о подрыве государственной промышленности в контрреволюционных целях, подчеркивая, таким образом, что центр преступной деятельности лежит в самом акте подрыва хозяйственной работы. И только в отношении 2–3-х обвиняемых применялась 58-6 ст., говорящая о шпионаже, во всяком случае не создавшая того своеобразного колорита, какой получился в деле промпартии⁴.

Если вы теперь обратитесь к обвинительному заключению по делу промаптии, потом к приговору, то вы увидите, что тут предъясняется 58-я ст., со знаком 3 и особенно со знаком

^а Здесь и так далее в документе.

^б Исправлено из напечатанного: общий.

^в Далее вычеркнуто: обстоятельствами.

^г Здесь и далее так в документе.

^{д, е} Вписано от руки.

^ж Вписано над строкой вместо забитого на машинке слова, не читается.

4, которая является статьей, написанной собственноручно тов. Лениным и всем своим острим, направленная против преступной деятельности контрреволюции, которая имеет своей целью оказать помощь той части международной буржуазии, которая не признавала равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе и которая стремится к свержению коммунистической системы и т.д. и т.д.

И вот в этой статье, которая предъясняется в деле промпартии и которая не участвовала в деле шахтинском и в целом ряде других дел – напр., Украинской академии наук, Союз вызволения Украины и в целом ряде других дел, в которых не был так отчетливо выражен этот момент – вот эта основная черта, которая характеризует дело о деятельности промпартии, это основная черта в³ предшествующих этому процессу процессах и заговорах отсутствовала. Но именно в этом деле центральным пунктом обвинения является пункт об оказании помощи международной буржуазии и разными способами содействия в деле низвержения советской власти и той коммунистической системы, которая идет на смену системы капиталистического общества.

Уже в этом мы видим первое и основное отличие двух процессов. Мы видим, что это если позволено говорить о более низких и более высоких формах развития контр-революционной деятельности,⁴ деятельность промпартии поднимается на более высокую в организационном смысле ступень своего развития. В деле шахтинцев мы встречаемся, главным образом, с вредительством. Конечно, оно осуществляется и там в контрреволюционных целях, но содержанием деятельности шахтинцев является вредительство в своих наиболее грубых и примитивных формах – это затопление шахт, это уничтожение ценностей в виде, например, сознательной разборки брикетного завода, все ценное имущество которого увозится в разных направлениях и завод буквально растаскивается, уничтожается как ценность. Я не буду подробно говорить о других, более тонких способах вредительства, которые заключались в том, что сознательно задерживалась разработка шахт, где пласты угля оказывались более ценными, и наоборот – весь центр тяжести работы переносился на разработку заведомо непродуктивных шахт, на «проходку» заведомо слабых и ничтожных по своей ценности пластов угля.

В шахтинском деле мы встречаем и вторую особенность: здесь центр преступной деятельности поглощается самим вредительством. Вредительство, как таковое, заполняет собою все содержание работы преступных организаций. Это вредительство, правда, и здесь остается вспомогательным средством к тому, чтобы, подорвав хозяйственные силы нашего Союза и оказав этим самым содействие готовящимся к нападению на него нашим классовым врагам, способствовать наиболее успешному сосуществованию в наиболее быстрый срок этих преступных планов, в конечном счете направленных на низвержение советской власти и на восстановление, на реставрацию капитализма.

Но я еще раз хочу подчеркнуть характерную черту деятельности всех вредительских организаций – и так называемого Харьковского вредительского центра, который свил себе гнездо, как вы помните, в Донугле, и Московского вредительского центра, во главе которого /как мы тогда еще только нащупывали, но не вполне угадывали, а точно нам оказалось возможным установить это только через два года в связи с процессом промпартии/ стоял бывший шахтовладелец и капиталист Рабинович, до своего ареста он был председателем научно-технического совета ВСНХ по угольной промышленности и считался в своей среде очень авторитетным и крупным ученым⁵. Он пользовался своим авторитетом для вербовки деятелей промпартии. Подсудимый Ларичев совершенно отчетливо показал в своих выступлениях, что он был завербован в промпартию именно Рабиновичем. И так, я хочу сказать, что будь это Харьковский центр, возглавлявшийся Матовым и другими, будь это Московский центр, возглавлявшийся Рабиновичем, будь это периферийная ячейка вроде Кадиевского Рудоуправления, – всюду главным содержанием контр-революционной работы вредительской организации в целом и ее отдельных частей являлось вредительством

³ Вписано над строкой вместо забытого на машинке слова, не читается.

⁴ Далее вычеркнуто: то.

в прямом, физическом смысле этого слова, осуществлявшееся, если можно так выразиться, грубыми, примитивными методами. А что мы видим в деле промпартии? Здесь мы видим совершенно иной принципиальный / если опять-таки в этом случае можно говорить о принципах / подход контр-революционеров и вредителей к самой природе этого вредительства /. Вы видите, что здесь вредители уже отказываются от непосредственного, грубого вредительства, связанного с физическим разрушением ценностей...

<...>

Рамзин говорил все время – что подчеркивали и целый ряд других профессоров и инженеров – что в то время, когда они разрабатывали план диверсионной работы, их задача заключалась в том, чтобы избежать разрушений и произвести эту диверсию с наименьшими разрушительными последствиями, потому что это было противно их собственным взглядам на свои задачи и кроме того, это могло быть в высшей степени вредным для того будущего контр-революционного правительства, которое они собирались организовать вместо советской власти после ее низвержения.

<...>

Итак, мы видим, уже, что деятельность промпартии строится так сказать, на базе несколько иного понимания задач вредительства и в силу этого самое содержание вредительства отличается иными признаками, иными качествами и свойствами, чем содержание шахтинского вредительства, характеризующееся грубыми, примитивными методами. Промпартия ценностей уже не разрушает, она ставит своим принципом отказ от разрушения ценностей. Правда она этого принципа до конца не выдерживает, потому что, строя план диверсионной работы, в частности – на транспорте, промпартия должна была притти к заключению о необходимости добиваться дезорганизации работы транспорта путем создания всякого рода пробок, которые привели его в закупороченое^к состояние. Промпартия вместе с тем допускала и порчу имущества, порчу мостов, срыв работы депо, выведение из строя паровозов посредством сдачи их в лом тогда, когда они еще были пригодными для дальнейшего хозяйственного обслуживания. Но это все-таки были отдельные моменты, а основная линия была – вредить так, чтобы ценности сами по себе разрушались в минимальной степени. Вот почему в диверсионных актах предпочтение отдается выведению предприятий из строя через нарушение подачи электроэнергии. Включая питающую данную отрасль промышленности или данную группу предприятий электроэнергетическую базу, хотя бы производя в данном случае и разрушение они, однако, *предотвращаются*^л в необходимость производить эти разрушения на целом ряде заводов и предприятий, ибо они выводятся из строя путем прекращения подачи электрической энергии, без которой они работать не в состоянии.

Рамзин прямо говорил, что «мы действуем так, потому что считаем, что разрушения нужны в минимальном объеме». И это несомненно является ничем иным, как отражением принципиальной установки Осадчего, который говорит, что «инженер по самой природе своей не разрушитель»^б.

Промпартия была в затруднении в отношении той социальной базы, которая должна была служить опорой ее деятельности. На кого эта партия могла опереться и на кого она опиралась? Сами руководители этой партии признавали, что сочувствие рабочего класса вообще и заранее исключалось. Рассчитывать на сочувствие широких масс они не имели возможности. Единственно на кого они рассчитывали, это на кулацкую часть в особенности приведенную в движение в связи с волной коллективизации и в этих условиях представляющую более благоприятную для контрреволюционных дел почву, чтобы попробовать сколотить здесь определенный актив, на котором можно было бы провести работу.

Сама техническая интеллигенция представлялась для них хотя в высокой степени и лакомым, но трудным для усвоения предметом. Даже по своим преувеличенным показателям промпартия смогла организовать в качестве членов своей партии – причем

^к Так в документе.

^л Так в документе. Исправлено из напечатанного: предотвращающих.

нужно иметь в виду, что у них не было строгой системы приема и контроля: как Рамзин говорил – «У них не было партбилетов» – около 2 тыс. чел. Это было, по-видимому, преувеличено⁷. Ведь махнул же Рамзин в своем признании, что партия Чаянова и Кондратьева насчитывала 200 тыс. членов. Мы заинтересовались, откуда у них получились такие цифры. Оказалось, что они зачислили в Чаяновскую и Кондратьевскую партию так наз. ТКП – всю^м сеть *опытных*^н учреждений НКЗема /Смех/. Они просто подсчитали количество единиц опытных станций и помножили на среднее число служащих этих станций /смех/.

<...>

Таким образом, с социальной базой у них было не густо. Если взять даже эти 2 000 человек, то ведь они составляют только 5 % всей технической интеллигенции нашего Союза, но подсудимые на процессе промпартии говорили, что «нам и на эту массу рассчитывать не приходилось». Действительно, если проанализировать большинство членов промпартии^{о,п}, окажется, что это все-таки была верхушечная часть буржуазно-технической интеллигенции. Я не говорю уже о таких, как сам Рамзин, который в момент ареста получал 1 500 рублей жалования в месяц, был Директором Теплотехнического Ин-та, достаточно хорошо обставленного и предоставлявшего ему, как он сам говорил, совершенно невиданные в капиталистических странах условия для научно-исследовательской *работы*^р, которыми никакой ученый ни в одной стране не пользуется, что конечно, является в высшей степени характерным для определения материального и общехозяйственного положения Рамзина⁸. То же самое можно сказать и о Федотове, который, несомненно, является одним из патриархов вредительского дела. Хотя подсудимые и говорили, что у них партийных книжек не было, но партийный стаж у них считался достаточно точно, и после ареста Рабиновича и других руководителей контрреволюционной организации^с, Федотов был введен в ЦК, как старейший член этой вредительской организации, так, что, как видите, партийный стаж играл здесь довольно значительную роль. Так вот этот седовласый 66-летний старец, заслуженный деятель науки и техники и один из специалистов, очень тесно связанных со всеми текстильными королями, вроде Коновалова, Третьякова и др., который, например, прекрасно знал и знает всю родословную всех Рябушинских – он исправил ошибку Рамзина, который в своих показаниях упоминал о Павле Рябушинском; оказалось, что Павел давно умер, а Рамзин, не работавший в текстильной области и имевший частное поручение к Рябушинскому, спутал Павла с Владимиром, который действительно существует в природе, как авторитетно доказал Федотов, в качестве одного из 7-ми Рябушинских; правда, он является наиболее глупым представителем семейства Рябушинских, но, вероятно, именно поэтому он и состоит главным руководителем газеты «Возрождение», издающейся за границей; /смех/ вспомните его статью «Необходимая война», являющуюся программной статьей, которая определяет собой не только настроение, но и направление, программу и тактику всей эмигрантской белогвардейщины, сомкнувшейся под знаменем так называемого торгово-промышленного и финансового комитета или «Торгпрома». *Итак*^т этот Федотов в последний год до Октябрьской Революции получал 60 000 рублей жалования. В это же самое время он имел небольшое и очень скромное поместье, оценивавшееся в 75 000 рублей золотом⁹. Но не говоря уже о Рамзине и Федотове, надо сказать, что даже у такого маленького человечка, не члена ЦК Промпартии, как Ситнина – фигура весьма козявистая и плюгавенькая, тем не менее у него при ревизии было найдено (не говорю «отобрано», потому что Ситнин утверждает, что он добровольно сдал ОГПУ) 7 ½ тысяч рублей. Это денежки, которые свидетельствуют о том, что Ситнин принадлежал к высоко оплачиваемой аристократической верхушке инженерно-технического состава, *играющей*^у роль сторожевых

^м Далее зачеркнуто: опытную.

^н Вписано над строкой: опытных.

^{о-п} Вписано от руки.

^р Исправлено из напечатанного: работой.

^с Исправлено из напечатанного: организаций.

^т Исправлено из напечатанного: и так.

^у Исправлено из напечатанного: играющего.

псов, верных лакеев и управляющих старых капиталов, с которыми они были тесно связаны всякими личными интимными и прочими узами.

Даже Калинин, председатель Военной секции Госплана, которому мешало заниматься вредительскими делами то обстоятельство, что военная аудитория не позволяла ему рта открыть в этом направлении, о чем он докладывал на заседании Верховного Суда и даже этот Калинин имел солидный оклад жалованья и маленькое имение, оценивавшееся в 40 тыс. руб. по довоенным ценам.

Таким образом, можно сказать, что это была небольшая компания, но очень крепкая и в смысле своего хозяйственного положения и была своего рода кулацкой верхушкой среди нашей буржуазной технической интеллигенции.

И совершенно естественно, что тот круг знакомых, с которыми они встречались, и то положение, которое они занимали, не благоприятствовало тому, чтобы вокруг них собирались широкие общественные круги. И, затем, самая работа этой партии была поставлена в своего рода своеобразные условия. Едва ли можно много найти примеров, когда партия не ставит своей целью пропаганду своих программ, своих идей, хотя бы идей в кавычках. Но промпартия скрывает свою программу даже от некоторых членов своего собственного руководящего органа – напр., из этого процесса было совершенно очевидно, что, напр., Федотов, как и некоторые другие члены партии, о том, что Рамзин, будучи за границей, договорился с председателем Торгпрома Денисовым, с председателями французских капиталистических военных кругов – с полковником Жуанвилем и Ришаром – которые настаивали на усилении работы в отношении подготовки интервенции, срок которой намечался в 1930 г. и Рамзин договорился, что за помощь, которую они должны оказать, они получают значительные территориальные и всякого рода финансово-материальные выгоды и приобретения – напр., английские империалисты должны были получить Кавказские нефтяные промыслы, Франция должна была получить свои долги, хотя бы по 5-ти коп., за рубль, что все-таки повисло бы^ф гирей на шее пролетариата, Ленинград также должен был куда-то отойти и т.д. и т.д.

И вот эта сделка, которую Рамзин заключил в Париже в 1928 г. с соответствующими кругами интервентов по поводу разграбления территории нашего Союза, эта сделка очень тщательно скрывалась от некоторых членов – напр., от Федотова, который до кануна своего ареста не знал, что в случае успеха интервенции, СССР будет расчленена таким образом. – Наоборот – его уверили, что этого не будет, потому что учитывали его «горячие патриотические чувства». Очевидно, *этот*^х патриотизм не мешал *готовить*^ч взрывы железных дорог, разрушение мостов и успех для той военной диктатуры, которую должен был возглавить генерал Лукомский, которая должна была означать физическое истребление ведущей головки пролетариата. Это Федотов знал, также, как и то, что эти марионеточные правительства торгуясь между Громаном и Сухановым с одной стороны, Чайновым и Кондратьевым, с другой стороны, и Милюковской группой за границей с третьей стороны – что все эти правительства будут по существу игрушкой в руках французских интервентов. «Патриот» все это прекрасно понимал, но он считал, что раздробление – «это уже слишком». Боялись этого пункта и некоторые другие члены промпартии, ибо они знали, что он может даже среди буржуазной интеллигенции, настроенной анти-советски, вызвать серьезные возражения, ибо он бьет по тем буржуазно-патриотическим чувствам, в которых они во всяком случае расписались, как весьма и весьма национально патриотически настроенные личности¹⁰.

Следовательно, мы видим *здесь*^ч партию, которая не только не пропагандирует свои идеи, свою программу, но которая наоборот, некоторые пункты этой программы тщательно скрывает, а остальные держит для себя, во всяком случае, не делая их предметом мобили-

^ф Вписано над строкой.

^х Вписано над строкой вместо забытого на машинке слова, не читается.

^ч Далее слово забыто на машинке, не читается.

¹⁰ Вписано над строкой вместо зачеркнутого: ту.

зации общественного мнения. Возьмем например, такой пункт программы, как знаменитая экономическая платформа промпартии, которая заключалась в том, что все предприятия должны быть объявлены государственной собственностью / Рамзин называл это государственным капитализмом, хотя он иногда путался и говорил «государственный социализм», так что неизвестно на какой позиции он в конце концов стоял¹¹ с объединением их в одно акционерное общество, причем все бывшие собственники, имевшие на территории России свои предприятия, являлись участниками этого общества в такой части, которая соответствовала потерянным ими во время Октябрьской Революции капиталам плюс какой то процент приращения. Это акционерное общество также должно было дать в распоряжение белого контр-революционного правительства такой фонд, при помощи которого оно могло бы, оставляя на время у крестьян землю, конфискованную советской властью у помещиков и переданную в распоряжение отдельных земельных обществ, а теперь колхозов, совхозов и т.д. компенсировать этих помещиков.

Эти пункты программы были таковы, что они не могли рассчитывать ни на какую поддержку рабочих и основных крестьянских масс / они могли только рассчитывать на поддержку небольшой кучки кулаков /, и с другой стороны, они не могли рассчитывать по собственному признанию подсудимых также на поддержку со стороны широких кругов буржуазно-технической интеллигенции.

<...>

Вот это сознание, что под ногами нет базы, нет перспектив, которые позволили бы мобилизовать общественные силы, подвести их под свои ноги и стать прочно на эту базу и этим самым осуществить те надежды, которые на них возлагались иностранными интервентами, имело своим следствием два обстоятельства: с одной стороны, с конца 27 года совершенно отчетливо проявил себя, как единственно возможный путь для свержения советской власти – это интервенция, когда само вредительство приобретает не только смысл, когда оно рассматривается и производится в такой мере, пока это вредительство может оказать содействие организации интервенции и именно в этом смысле и направлении готовят всеобщий экономический кризис, на подготовку которого, как одного из средств, обеспечивающих успех интервенции, и делали всю ставку деятели промпартии уже с 27 года.

Таким образом, отсутствие опоры, даже в широких кругах интеллигенции, толкало промпартию, с одной стороны, на заострение вопроса об интервенции, делало этот вопрос самым животрепещущим и решающим судьбу и направление деятельности этой партии, а с другой стороны, – чем дальше, тем больше поселяло в душах деятелей промпартии неуверенность и сомнение в¹² возможности успеха этого предприятия, а с третьей стороны – такая трещина, которая должна была при сколько-нибудь благоприятных обстоятельствах обеспечить отход, разочарование, *вылилась*¹³ в сознание¹⁴ в совершенных преступлениях, которым эти деятели промпартии заключили свой преступный путь борьбы с советской властью.

Рамзин говорит, что «последние 3 года он был злейшим и непримиримейшим врагом советской власти». Но он говорит, что «последние 3 года я стал колебаться, ибо мы не видели той среды, среди которой мы чувствовали себя вожаками. Мы понимали, что единственная сила, которая могла бы обеспечить нам успех в направлении свержения советской власти – это интервенция. Но мы понимаем, что это палка о двух концах и мы не уверены, что мы сможем подготовить почву для этой интервенции, в особенности, если наша тактика, направленная на создание кризиса внутри отдельных отраслей народного хозяйства, на подготовку кризисов частных и более общих, когда все эти попытки с каждым днем, месяцем и годом парализуются энергичным наступлением пролетариата, его встречными планами, ударничеством и соцсоревнованием, всем тем, что создает мощное движение трудящихся масс, преодолевающих все трудности, сокращающих самые смелые наметки

¹¹ Вписано над строкой.

¹² Вписано над строкой вместо зачеркнутого: выявилась.

¹³ Вписано над строкой вместо зачеркнутого: сознании.

сроков выполнения промфинапланов и пятилетки, и, в конце концов, ставящих совершенно реальную задачу, которая будет выполнена – это осуществление пятилетки в 4 года – вот этот подъем масс, это постоянное перекрывание нашей вредительской работы, все это углубляло наше сомнение и расширяло ту трещину, которая образовалась в нашей психике, показывая бесцельность этой работы и нужен был какой-нибудь толчок, чтобы мы капитулировали». А когда ОГПУ не совсем деликатно толкнуло в этот самый интеллигентский шиворот, то они получили полное удовлетворение. Рамзин после своих объяснений говорил: «даже если меня ожидает самый суровый приговор – я его буду считать заслуженным и справедливым, все же я уйду отсюда более спокойным, чем пришел сюда, потому что я порвал с прошлым. На протяжении всего последнего года / я думаю, что он преувеличил – только за последнюю неделю, но не будем углубляться в психологические изыскания» / я чувствовал, что мне нужен был такой толчок, который при моем уже нарушенном равновесии облегчил бы мне переход на другую сторону. Это случилось. Арест меня отрезвил и освежил».

Федотов со своей стороны рассказывал, что: «тюрьма – это университет, ОГПУ – это школа политграмоты. /смех/. Я многому за это время научился, я многое передумал и теперь я ясно вижу, что я до сих пор делал и что я должен делать в будущем, если мне будет сохранена жизнь».

<...>

Нередко ставился вопрос: чем объяснить то, что все они сознаются и так подробно обо всем говорят. Один иностранный корреспондент сказал: «во время до-революционных¹² процессов революционеры держались на суде героями, а тут прямо противно смотреть, до какой степени разложения дошли современные деятели». Это несомненно указывает именно на отсутствие сознания внутренней своей правды, на недостаточную уверенность в правоте своего дела, на то, что Рамзины и Федотовы, которые делали не свое классовое дело, а дело того класса, которому они служили и привыкли служить больше по традиции, чем по своей классовой принадлежности, сомневались в правильности этого дела, колебались. С другой стороны, совершенно обнаженная политика западноевропейских, особенно французских интервентских кругов, которые не стеснялись ничем для того, чтобы сделать из членов промпартии свою купленную агентуру, столкнуло этих людей, которые прикрывали свою деятельность высокими идеалами / о них особенно много говорил Федотов /. В результате понадобился только внешний толчок, чтобы они могли отказаться от этой преступной деятельности и чтобы они могли стать на путь своего раскаяния, которое они называли искренним раскаянием. Разгадка загадки «почему они сознаются» заключается в том, что они не могли не сознаться, ибо они к моменту ареста уже потеряли веру в свое собственное дело. Это было одним из основных мотивов, по которым они не выдержали и сознались, хотя пытались сначала не сознаться. Например, как только Федотова арестовали, ему предложили, по характерному обычаю наших советских учреждений, заполнить анкету. Там между прочим его собственными словами, сверх всех пунктов написано: «я удивляюсь почему меня арестовали. Я 13 лет честно и беспорочно служил советской власти, я заслуженный деятель науки и техники и т.д. и т.д.». Но уже через несколько дней, когда ему сказали, что он виновен в том то и в том то, Федотов должен был признать: «да, действительно, кое-что в этой плоскости мне можно поставить в упрек»²⁴. Если так, то стали конечно развязывать этот самый узелок дальше и в конце концов оказалось, что ему можно поставить в упрек не только «кое-что», но и очень многое. Несомненно, источник их признания, их раскаяния лежит в отсутствии у них самих к моменту ареста уверенности в том, что они делают такое дело, за которое стоит страдать и, с другой стороны – сознание безысходности, неосуществимости этого их предприятия, главным образом благодаря тому, что их дезорганизовала сила трудового подъема и энтузиазма, с которым мы продолжаем строить социализм и одерживаем победы на пути этого строительства¹².

¹² Так в документе.

Это, конечно, не исключило всей той массы клеветы по поводу процесса, которая наполняла собою всякие телеграммы и корреспонденции, посылавшиеся постоянно неугодными иностранными журналистами в свои редакции. Они имели очевидно совершенно определенные цели и задачи дискредитировать этот процесс во что бы то ни стало и тем самым попытаться скрыть правду от трудящихся своих стран, а кроме того – заранее опорочить и те убийственные выводы, которые могут найти место в судебном приговоре и могут быть прямо направлены против контр-революционной интервентской политики и деятельности правящих кругов Франции и других капиталистических государств.

Этим объясняется то обстоятельство, что в самом начале мы могли присутствовать при характерном явлении – это попытка замолчать этот процесс или организовать вокруг него заговор молчания, когда просто не передавались сведения в печать, или передавались в таком виде, что они заранее были рассчитаны на невозможность привлечь к ним внимание.

Говорят, что за первые 3 дня процесса французские корреспонденты послали в свои газеты не свыше 300 слов, в то время как германские и американские корреспонденты телеграфировали от 17-ти до 20-ти тыс. слов.

Это показывает причины отношения к этому процессу со стороны французских кругов, т. е. того государства, где оказывается гостеприимство и имеют приют и расцвет деятельность эмигрантов и где сами правящие круги делают политику нападения на СССР сделали свое традиционной политикой.

<...>

Это совершенно соответствует установке французских правящих кругов и в отношении промпартии, где правительство тоже должно было быть подставным, являющимся игрушкой в руках французского империализма. Эта тенденциозная политика французских правящих кругов и нашла свое отражение в своеобразном отношении печати к процессу промпартии. Например, «Journal des Debates» и «Temps» не только не напечатали отчета Тасса от 27 числа, но написали «Показания Рамзина вызваны террором». Ведь его показания были проверены перекрестным допросом свидетелей, которые хотя и являлись соучастниками этой организации, но никогда не знали и в глаза не видали Рамзина, Федотова, Калининкова и Ларичева. Тем не менее сообщения не только подтверждают показания подсудимых «в общем и целом», но и в существенных деталях. Оказывается, что это вызвано террором, или, как говорил один корреспондент: «применялся обычный способ ОГПУ – гипноз» – загнипнотизируют человека и он на себя наговорит что угодно: он и вредитель, он и контр-революционер, и только не хватает, чтобы он признал себя убийцей отца, матери и всех детей, которых может быть у него никогда и не было, но ведь чего не скажешь под гипнозом!⁹

Следовательно, была установка дискредитировать процесс, показать, что это только политическая комедия, или, как говорил один из иностранных борзописцев – «политический фарс»; в некоторых газетах самый процесс назывался процессом ОГПУ».

Между прочим, в высшей степени характерно такое представление, что Рамзин и все остальные обвиняемые во всем сознались и подробно все рассказали. Это могло быть только результатом того впечатления, которое получается у людей, не выдавших этого процесса от начала до конца, не вникших во все его детали и подробности, не проследивших за всем его содержанием. Разрешите мне, как человеку, который вынужден был следить за процессом с начала до конца и во всей его полноте, указать на то, что это впечатление далеко не соответствует действительности. Например, Рамзин о целом ряде обстоятельств не сказал и мы заставили его рассказать их в процессе суда только благодаря перекрестному допросу свидетелей¹⁰. Ни в показаниях Рамзина на предварительном следствии, ни в его дальнейших показаниях на самом суде, которые продолжались 6 часов без того, чтобы председатель или члены суда его перебивали вопросами или ограничивали во времени, не нашел отражения такой важнейший вопрос, как диверсионная работа на транспорте. Рамзин упорно молчал

⁸ Вписано над строкой.

⁹ Исправлено из напечатанной точки.

¹⁰ Далее слово забито на машинке, не читается.

об этом, а между тем, если вы посмотрите стенограмму пятого или шестого дня процесса, когда появляется Красовский, который вместе с^а Фон-Мекком, Борисовым, Правосудовичем, Величко и другими был организатором диверсионной работы на транспорте и который уже осужден Коллегией ОГПУ на 10 лет лишения свободы и находится 2 с лишним года под стражей и был вызван как свидетель по этому делу, то если вы увидите его показания и потом обратитесь к показаниям Рамзина то окажется, что на суде при свете юпитеров Рамзин должен был признать, что в деятельность промпартии входила и диверсионная работа на транспорте.

Другой факт – подсудимый Ситнин в течение всего времени пребывания под следствием и нахождения в предварительном заключении на допросе ОГПУ и на допросе у следователя по важнейшим делам при прокуроре республики тов. Левентоне заявлял, что он не знал, что такое промпартия, что он не был членом этой партии и не знал о ее целях и методах работы. Это он заявил в ОГПУ и ничем его не могли заставить говорить другое. А на 8-й день судебного следствия, под напором целого ряда улик, он должен был признать, что он был членом этой промпартии, что он знал о ее программе и сам рассказал все то, что могло подтвердить это признание.

Вот второй пример, когда оказывается, что человек во время ведения следствия ОГПУ не признает себя виновным, а на гласном заседании признается. Вероятно, мы обладаем другим гипнозом, который перекрывает гипноз ОГПУ. Вероятно, здесь – как подсказывает Михаил Николаевич [Покровский]– играл роль, может быть, Юпитер. /Смех/.

<...>

В заключение я хотел бы остановить ваше внимание на вопросе, который мог бы вас интересовать –^{аа} в какой мере эта контрреволюционная работа проникла в недра нашей высшей школы, в какой мере эти господа, действуя в контр-революционных целях использовали свое высокое положение советских ученых деятелей.

Можно утверждать, что целый ряд научно-исследовательских Ин-тов, – напр., Институт по торфу или Теплотехнический Институт, несмотря на то, что имеются документы, по которым видно, что все обстоит благополучно, в действительности, как признался Рамзин, деятельность этих Институты направлялась в помощь вредительским целям. Вначале Рамзин не хотел признавать, что его Институт служил вредительской деятельности, но в конце концов, должен был признать это, как вы можете убедиться из стенограммы – мною была сформулирована сущность этой его преступной деятельности в таких словах: «институт занимался тем, что не нужно для соц. строительства». Я спросил Рамзина, правильна ли моя формулировка и Рамзин ответил: «Да, совершенно правильна». В самом деле, один из важнейших вопросов – применение в промышленности пылевидного топлива, стоял в плане Института, но абсолютно не продвигался вперед, а если продвигался, то в таких условиях, которые заведомо обрекали всякие опыты на неудачу. Статьи об этом были помещены в газете «За индустриализацию», при чем впоследствии оказалось, что их автор – инженер Кирпичников тоже потом стал членом промпартии. Но в то время он разоблачал вредительскую деятельность Теплотехнического Института, который поставил опыты по пылевидному топливу в такие условия, что они заранее были обречены на провал. В этом плане вы видите также ссылку на всю важность пылевидного топлива для электростанций, а между тем мы теперь установили, что Теплотехнический Институт Рамзина, взявший шефство над Каширстроем, принимал меры к тому, чтобы оттягивать применение на Каширстрое этого пылевидного топлива /С места: «это тоже шефство»/. Конечно, это своеобразное «шефство». 22-го декабря в «Известиях» была помещена заметка профессора Вродмана, посвященная этому вопросу.

Далее возьмем в высшей степени важную проблему малозольных углей. Она в наших условиях приобретает исключительное значение. Ведь малозольный уголь – это уголь, лишенный всех своих отрицательных качеств, из-за которых понижается эффективность

^а Далее слово забито на машинке, не читается.

^{аа} Вписано вместо зачеркнутой запятой.

использования угля. Мне известен расчет одного инженера, который говорит, что если бы нам удалось понизить зольность угля с 12–13 % /как это имеет место сейчас/ до 6 %, то мы могли бы получить увеличение производительности наших доменных печей на 5 %. Так как одновременно с этим был бы снижен и процент золы, то производительность доменных печей увеличилась бы еще на 1 ½ %. Если бы мы одновременно могли снизить зольность кокса с 12 до 6-ти %, то мы увеличили бы в общей сложности производительность доменных печей на 47 %. Таким образом, вопрос о малозольных углях есть вопрос экономии на сотни миллионов рублей, это есть также есть вопрос экономии доменных печей, которые будут меньше изнашиваться и, следовательно – дольше служить нашему хозяйству. В отношении транспорта подсчитано, что при доведении зольности угля, которым пользуется наш транспорт, например, до 6 ½ %, мы могли бы значительно увеличить техническую и коммерческую скорость наших поездов и других транспортных средств и, кроме того, получили бы такую выгоду благодаря увеличению скорости, как если бы мы обладали минимум новыми 1 600–2 000 паровозами или 80 000 вагонов. – Вот какое значение имеют эти проблемы^{6б}.

А что делалось в Институте? Мы имеем, во-первых, постоянные, систематические выступления научно-исследовательских институтов контрреволюционного направления и, в частности – Института Рамзина против разрешения задачи малозольных углей. Как слишком дорогой и неоправдывающей себя в настоящих условиях. Мы имеем, таким образом, установленные сознательно такие нормы зольности, которые для лучшего американского донецкого угля имеют от 18-ти до 17-ти % зольности, т.е. такую зольность, против которой нужно бороться всеми доступными средствами. Приводится в печати такой факт, что «бракованная ... / читает/».

Таким образом, мы видим, что целый ряд областей, которые составляли содержание научно-исследовательской деятельности институтов, возглавлявшихся или оказавшихся в руках вредителей, служили интересам вредительских контрреволюционных целей.

Федотов возглавлял научно-исследовательский текстильный ин-т. Целый ряд вопросов, которые представляли собой исключительно важное значение в текстильной промышленности, сознательно там мариновались, не двигались и не разрешались или разрешались в ином направлении, чем это было нужно нам. Напр., применение американских машин. Федотов говорил, что для реконструкции текстильной промышленности перенимать нужно, но с умом. И выступает против применения американских машин потому что они слишком дороги, в то же время реализует идею фабрики-дворца, т.е. проектировку таких зданий, которые предназначены для того, чтобы вложить в них большие деньги. Это называлось у них омертвлением капитала.

Имеется^{6в} целый ряд в высшей степени интересных документов – напр., документ, изданный в 28 году, когда был поставлен вопрос о реформе высшей школы – «Какой инженер нам нужен». Вы помните, как в этом сборнике были объединены мнения того же Рабиновича, того же Чарновского¹³, того же Грум-Гржимайло и т.д., где вся эта публика выступает против реорганизации наших вузов с точки зрения внедрения непрерывной производственной практики.

Грум-Гржимайло пишет так: «Для меня нужно школу строить так: теория и никакой практики».

Чарновский говорит, что «Вуз должен дать только знания, а умения даст работа» и т.д. и т.п. Эта публика, таким образом, совершенно определенно высказалась очень резко против наших установок в деле реформы нашей высшей школы, против сближения вуза с жизнью, против внесения в наше преподавание практики, против узкой или более углубленной специализации, т.е. против всех установок, которые мы сейчас имеем¹⁴.

Товарищи, в свете тех исторических документов, которыми пользовалось следственное производство и судебный приговор по делу шахтинских вредителей и по делу промпартии – все эти выступления приобретают особое историческое значение, свидетельствующее о том,

^{6б} Исправлено из напечатанной точки.

^{6в} Исправлено из напечатанного: имеет.

что голоса, которые раздавались 2–3 года назад против нашей генеральной линии в деле реорганизации вузов и втузов, в целях приспособления их ко всему социалистическому строительству, эти голоса были голосами шедшими также из одного центра, организованно и систематически пытающегося взять в свои руки влияние на общественное мнение, в целях срыва дела реорганизации высшей школы, так-же, как они срывали или, вернее, пытались / так это им, к счастью не удалось/ сорвать все дело нашего социалистического строительства¹⁵. Извлечем же из этого необходимы урок, усилим нашу бдительность, утысячим наши усилия в деле укрепления той реорганизации наших вузов, над вопросами которой будет работать открывающаяся завтра III Сессия ГУСа. /Продолжительные аплодисменты/.

ГА РФ. Р-8131. Оп. 8. Д. 22. Л. 9–14; Л. 16–28; Л. 30–32; Л. 36 – 38; Л. 40–42; Л. 47–52.

Машинописная копия того времени с незначительными рукописными правками, сделанными при просмотре стенограммы самим А.Я. Вышинским.

Комментарии

1. «Шахтинское дело» («Дело об экономической контрреволюции в Донбассе») и процесс «Промпартии» («Дело контрреволюционной организации «Союза инженерных организаций») относятся к постановочным судебнo-политическим процессам, проходившим над представителями технической интеллигенции (так называемые «вредительские» процессы). «Шахтинский» процесс состоялся 18 мая – 6 июля 1928 г., дело «Промпартии» – два года спустя, 26 ноября – 7 декабря 1930 г. Оба процесса проходили в Москве, в Колонном зале Дома Союзов. Председателем Специального присутствия Верховного Суда СССР был А.Я. Вышинский; Государственным обвинителем – Н.В. Крыленко. Они отвечали за судебную легитимацию следствия ОГПУ и Прокуратуры. Так, в 1928 г. из 53 фигурантов определились группы подсудимых: полностью признавших вину (20), частично (10), отрицавших все обвинения (23). В этой ситуации Вышинский и Крыленко сталкивали «несознавшихся» с теми, кто давал оговоры. На процессе «Промпартии» все 8 подсудимых полностью признали себя виновными. Вышинский допрашивал «вредителей», контролируя, чтобы процесс не отклонялся от заготовленного ОГПУ «сценария»: «Председатель: Разъясните, пожалуйста, вы здесь назвали: по пищевой промышленности – Рамзин. Калинин: Не Рамзин, а Грамзин, одной буквой отличаются. Председатель: И больше ничем? Калинин: Фамилия с прибавкой одной буквы. Председатель: Другого отличия не существует?» (*Процесс «Промпартии» (25 ноября – 7 декабря 1930 г.): стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М., 1931. С. 104*). Из отрывка видно, что Вышинский направлял подсудимых, корректируя и расставляя акценты в их показаниях. В целом фигура Председателя в 1930 г. выдвинулась вперед, что было обусловлено «срежиссированным» «бесконфликтным» содержанием процесса.
2. В основу «Шахтинского дела» была положена ст. 58-7 (экономическая контрреволюция). Процесс являлся своего рода «узлом», создавая концепт «вредительства». С 1928 г. ОГПУ целенаправленно искало «вредителей», что сопровождалось непрерывными арестами специалистов. К 1930 г. проявились новые качественные стороны охранительности. Если в 1928 г. следствие началось в г. Шахты, то два года спустя дело вели уже московские чекисты. Изменился и состав обвиняемых: в 1930 г. из восьми фигурантов уже двое состояли в Госплане (И.А. Калинин, В.А. Ларичев) и шестеро работали в ВСНХ (Л.К. Рамзин, Н.Ф. Чарновский, А.А. Федотов, В.И. Очкин, С.В. Куприянов, К.В. Ситнин). Одновременно с этим сместились акценты в официальной версии процесса. Раскрытая в 1930 г. организация называлась в пропаганде «партией», «союзом», «центром». В Политбюро явно имелась установка на сращивание «вредительства» с «внешней угрозой». Сохранилось письмо Сталина, в котором он давал инструкции главе ОГПУ В.Р. Менжинскому: «Показания Рамзина очень интересны. По-моему, самое интересное в его показаниях – это вопрос об интервенции вообще и особенно вопрос о сроке инт[ервен]ции» (*Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С.А. Красильников. М., 2017. Кн. 2. С. 98*). В результате получилась следующая формула: «Промпартия» использовала «вредительство», чтобы «обострить до предела экономические затруднения и, таким образом, создать благоприятную почву для интервенции» (*Обвинительное заключение по делу контрреволюционной организации Союза инженерных организаций («Промышленная партия»)...* // *Известия. 1930. 11 ноября. № 310. С. 2*). Тем самым непоследовательный саботаж превратился в организованную борьбу в союзе с «внешним врагом».
3. По версии следствия в 1928 г., «зарубежный след» тянулся через «вредителей» и эмигрантов к Франции. Изначально некоторые специалисты поддерживали контакты с бывшими собственниками. Их общими задачами было сохранение недр, а также передача предприятий в зарубежные концессии. Одновременно с этим поддерживались связи с иностранными фирмами в СССР: брались взятки за невыгодные заказы на импортное оборудование, велся промышленный шпионаж и т.д. С 1926 г. с «вредителями» были установлены контакты во французской разведке. В официальной версии мотивы Франции объяснялись достаточно просто – к концу 1920-х гг. бывшие акционеры стали подталкивать правительство к интервенции, поскольку считали военное вторжение единственным возможным способом возвращения «царских долгов». Из пока-

заний Соловьева следует, что отсюда «вредители» делали такой вывод: «прежде всего надо провести разрыв с советской властью и подготавливать войну» (*Обвинительное заключение по «Шахтинскому делу» // Известия. 1928. № 109. С. 4*). Стоит отметить, что и до 1926 г. в обвинительном заключении встречаются намеки на Францию, например в показаниях Матова: «откуда эти суммы получались бывшими владельцами, я не знаю, но полагаю, что располагать ими они не могли, а субсидировались или группами капиталистов, или французским правительством» (*Там же. С. 3*). Тем самым по логике «чекистов» возникала органичная связь между «вредителями» и Францией, эмигранты же выполняли роль посредника, передавая «задания», а также плату за их выполнение.

4. Вышинский ошибся – в приговоре по «Шахтинскому делу» не инкриминировалась ст. 58-б (шпионаж). В данном документе фигурировали ст. 58-7 (экономическая контрреволюция), 11 (организованная контрреволюция), 12 (соучастие и недоносительство). Шестеро подсудимых, приговоренных к расстрелу, были осуждены по ст. 58-3: «Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями» (*Уголовный кодекс РСФСР. редакции 1926 года: С изменениями и дополнениями до 1 июля 1927 года. М., 1927. С. 28*). В эту группу входили: Ю.Н. Матов, С.П. Братановский, Н.А. Бояринов, Н.К. Кржижановский, А.Я. Юсевич, С.З. Будный (*Дело об экономической контрреволюции в Донбассе//Правда. 6 июля. 1928. № 155. С. 3*). Общим основанием для их осуждения по ст. 58-3 являлось их содействие иностранному финансированию. Было установлено, что основная роль в этом отводилась Ю.Н. Матову: «лично устанавливая связи с зарубежными организациями б. собственников (Парижский центр) и с представителями некоторых официальных учреждений некоторых иностранных государств и непосредственно осуществляя таковые; получал для контрреволюционной вредительской работы из указанных выше источников денежные средства, которые и распределял среди других участников организации; д) получал из тех же сумм лично вознаграждение за проводившуюся им вредительскую работу» (*Шахтинское дело – Приговор // Известия. 7 июля. 1928. № 156. С. 3*). Аналогичная формулировка встречается применительно к каждому из осужденных по ст. 58-3. Центральными в зарубежном аспекте в 1928 г. являлись тем самым наличие контактов и оборот денег. Некоторые из них, включая Ю.Н. Матова, имели зарубежные командировки, что облегчало инкриминирование им п. 3.
5. Рабинович Лазарь Григорьевич (1860–?) – известный специалист в области угольной промышленности России и СССР. По окончании Петербургского горного института с 1884 г. работал инженером на рудниках Донбасса, занимался активной управленческой и предпринимательской деятельностью. До 1917 г. являлся председателем правления Донецко-Грушевского акционерного общества каменноугольной и антрацитовый промышленности, а также членом правления ряда других акционерных обществ. После 1917 г., лишившись всех своих капиталов и должностей в ходе национализации, он признал новую власть и сотрудничал с ней. В 1920-х гг. назначен на должность председателя Научно-технического совета отдела каменноугольной промышленности ВСНХ СССР, которую занимал вплоть до своего ареста в марте 1928 г. в связи с «Шахтинским делом». В рамках следствия чекистами и организаторами суда ему отводилась роль руководителя мифического московского «вредительского» центра. Л.Г. Рабинович категорически отрицал свое участие во «вредительстве» в какой-либо форме, однако был приговорен к шести годам лишения свободы. Выступая с последним словом на Шахтинском процессе 2 июля 1928 г., Л.Г. Рабинович проявил себя последовательным в отрицании своей причастности к «контрреволюционной организации». Завершая свое выступление, он сделал неожиданное трагическое заявление в случае своего осуждения на длительный срок: «У меня склероз сердечных сосудов, который обострился в тюрьме, и меня засаживать на какие-то сроки от 3 до 10 лет для того, чтобы я там медленно умирал, смысла нет... Чтобы избавить меня от страданий, я прошу о высшей мере наказания» (*Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С.А. Красильников. М., ГОД??? Кн. 2. С. 815*). В последующем ему отводилась следователями одна из ключевых ролей в соединении организации «шахтинцев» с сформировавшейся мифической «Промпартией», что Рабинович также отрицал. До февраля 1931 г. он отбывал срок в Бутырской тюрьме, затем направлен в распоряжение управления Соловецких лагерей. Сведения о его дальнейшей судьбе выяснить не удалось.
6. Осадчий Петр Семенович (1866–1943) – ученый-электротехник, государственный деятель. С 1896 г. преподавал в технических учебных заведениях, профессор. Автор ряда фундаментальных трудов по организации и развитию электро- и радиосвязи в России. Ректор Петроградского (Ленинградского электротехнического института (1918–1924). Первый зам. председателя Госплана СССР (1921–1929), член ЦИК СССР (1929–1930). В годы Гражданской войны подвергался арестам (1918, 1919, 1921). В ходе Шахтинского процесса выступал в качестве одного из общественных обвинителей. Будучи известным ученым, неоднократно выезжал за границу в составе научных делегаций. Вместе с Л.К. Рамзиным выезжал летом 1930 г. для выступления на Международной энергетической конференции (Берлин, с 15 по 25 июня), после окончания которой продолжал поездки по странам Скандинавии для участия в работе различных электротехнических комиссий и организаций, что давало возможность чекистам интерпретировать его поездки за границу для связей с деятелями эмигрантской организации Торгпрома. Будучи арестован в начале ноября 1930 г. на основе «показаний» Рамзина, Осадчий вскоре начал давать «признательные показания», в которых ему отводилась функция одного из руководителей мифической «Промпартии». В последующем в ходе самого процесса Осадчий выступал свидетелем, вызванным Н.В. Крыленко для дачи соответствующих «показаний». Во время выступления Вышинского перед сотрудниками Наркомпроса 9 декабря 1930 г. ему

пришлось отвечать на вопрос о том, почему Осадчий не был привлечен к суду как обвиняемый, на что Вышинский ответил уклончиво: «Мы вызвали Осадчего, потому что он был нужен как свидетель по делу, удостоверяющий те или иные факты». Между строк читалась явное противоречие, в котором оказались организаторы и исполнители процесса в связи с необходимостью ареста Осадчего для доказательства того, насколько «высоко» проникло «вредительство». В то же время это оказывался самый высокопоставленный государственный деятель, арестованный по данному «делу», поскольку многие годы являлся бессменным заместителем Г.М. Кржижановского в Госплане и членом высшего законодательного органа страны – ЦИК СССР. О том, что в отношении П.С. Осадчего действовало особое соглашение с ним, не предусматривавшее длительного наказания, свидетельствует то, что он осуждался во внесудебном порядке Коллегией ОГПУ весной 1931 г. первоначально к расстрелу, но с заменой на 10 лет заключения, из которого после нескольких лет работы в одной из закрытых «шарашек» был освобожден досрочно в 1935 г. (*Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2016. Кн. 1. С. 783*).

7. В распоряжении историков есть некоторое документальное свидетельство, позволяющее считать, что цифра в две тысячи человек, которой Рамзин на следствии и в судебном заседании оперировал, говоря о численности лиц, состоявших в мифической «Промпартии», не возникла сама по себе, а явилась результатом арестной работы чекистов на протяжении двух лет, предшествовавших судебному процессу, в сумме и давшую озвученную через Рамзина цифру. Об этом свидетельствует упорядоченный чекистами-архивистами в 1935 г. «Список членов контр-революционной организации “Промпартия”» (сюда оказались включены даже лица, осужденные по Шахтинскому процессу 1928 г.), состоявший из 222 страниц и содержащий краткие данные на 1 986 чел. (*ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-42280. Т. 14. Л. 1–222*). «Список» начинался разделом «Состав ЦК «Промпартии», включавшем 14 чел. во главе с П.И. Пальчинским (в нем фигурировали шестеро из подсудимых на процессе «Промпартии»). Далее шла рубрика «Филиалы» “Промпартии”», где перечислялись «Ленинградский центр», «филиалы» на Украине (Харьков, Киев), в Белоруссии, на Урале, в Нижегородском крае, Иваново, Ростове (177 чел.), и затем шли рубрики, обозначавшие «группы» в разных отраслях промышленности, транспорта, строительства.

Чекисты даже составили своего рода коллективный портрет арестованных «вредителей», статистически сгруппировав их «по социальному, служебному, имущественному положению и бывшей партийности». Наиболее значительной среди них по признаку социального происхождения оказывалась группа «дворяне» – 561 чел. (28 %), внутри которых специально выделялась группа выходцев из среды офицеров (283 чел., или 14 %). Немалую по численности группу составили те, кто воевал против большевиков («белогвардейцы», 142 чел., 7,8 %), а также «старослужащие» (586 чел., 29,3 %). Среди арестованных оказалась корпоративная группа «профессоры» (80 чел., 4 %). Именно профессура наряду с крупными управленцами дореволюционного и советского времени оказалась основной «группой риска», из которой чекисты «комплектовали» руководящий состав мифической партии, ее «филиалов» и «центров» (10 из 14 «членов ЦК», 9 из 30 «членов Ленинградского центра», 5 из 22 «членов Харьковского филиала», 4 из 6 «членов Киевского филиала»). В ряде случаев речь шла фактически о приостановке и даже разрушении работы целых научно-технических коллективов (кафедр вузов, отделов/отделений отраслевых институтов). Наиболее значительный ущерб арестами был нанесен сети, обеспечивавшей развитие энергетики (Теплотехнический институт и его отделения и филиалы в регионах, профильные кафедры в московских, ленинградских, харьковских и киевских вузах и т.д.). В столь же негативной степени репрессии сказались на деятельности управленческих структур в сферах народного хозяйства: в течение короткого периода времени (с конца 1929 г. до весны 1931 г.) репрессивные «чистки» коснулись части управленцев как центральных, так и региональных аппаратов. (*Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2017. Кн. 2. С. 10*).

8. Рамзин Леонид Константинович (1887–1948) – известный ученый, специалист в области теплотехники. Окончил МВТУ (1914). С 1921 г. директор Всесоюзного теплотехнического института, одного из ключевых отраслевых институтов в системе ВСНХ СССР, являлся членом Госплана, профессор МВТУ. В 1920-е гг. являлся одним из ведущих советских теплотехников, неоднократно выезжал за границу для участия в международных конференциях в областях энергетики, имел широкие связи не только внутри страны с различными государственными организациями, но и с зарубежными учеными. К моменту своего ареста 14 августа 1930 г. вскоре после своего возвращения из заграничной поездки он активно продвигал главную конструкторскую разработку – создание первого отечественного прямоточного котла, работу над которой завершал уже в условиях заключения после процесса «Промпартии». Чекистское руководство сделало основную ставку на Рамзина в качестве ключевой фигуры в мифической «Промпартии», сыграв на чертах его характера (волевой лидер, организатор передовых разработок на мировом уровне, имевший обширные контакты в различных сферах, часто выезжавший за границу, в отличие от других подсудимых, карьерист, готовый на любые сделки со следствием). По итогам процесса осужден к высшей мере наказания с заменой приговора десятью годами заключения. Отбывая срок, Рамзин добился значительных результатов, получив возможность создать под эгидой ЭКУ ОГПУ Особое техническое бюро (ОТБ-11), в котором довел разработку названного впоследствии его именем прямоточного котла до промышленного внедрения. В 1936 г. был амнистирован, о чем сообщали газеты. Роль Рамзина получила амбивалентную оценку в литературе. Специалисты-теплотехники отмечают его значительную роль в развитии теплоэнергетики,

поскольку он успешно развивал важное направление, связанное с отечественным котлостроением. Наряду с этим ряд видных ученых в области теплотехники (академики М. В. Кирпичев, М. А. Михеев и др.) резко негативно оценивали его роль как фактического инструмента в руках ОГПУ, инициировавшего своими «показаниями» многочисленные аресты, повлияв тем самым на судьбы сотен представителей научно-технической интеллигенции страны и обезглавив целые научно-технические направления и коллективы.

9. Характеризуя А.А. Федотова, Вышинский допускал оценки его дореволюционной деятельности и доходов в несколько утрированном виде, преувеличивая его состоятельность как предпринимателя, хотя А.А. Федотов занимался прежде всего инженерной и управленческой работой.

Федотов Александр Александрович (1864–1940) – известный русский инженер в области текстильной промышленности, один из организаторов послереволюционного производства, профессор ряда отечественных вузов, наряду с Л.К. Рамзиным ключевая фигура среди подсудимых на процессе «Промпартии».

Окончив в 1881 г. Императорское московское техническое училище, впоследствии работал на текстильных предприятиях семейства Морозовых, затем с 1896 г. директором Прохоровской Трехгорной мануфактуры («Трехгорки») в Москве, но вскоре вернулся в Орехово-Зуево директором Никольской мануфактурной фабрики С. Морозова с годовым окладом в 25 тыс. руб. До 1917 г. успешно сочетал инженерную и управленческую деятельность с предпринимательством. В 1903 г. купил имение в 200 десятин с усадьбой в Верейском уезде Московской губернии. С периода революции 1905–1907 гг. активный участник московской кадетской организации, один из пайщиков и член редакции крупнейшей либеральной газеты «Русские ведомости», где регулярно печатался по проблемам отечественной легкой промышленности, политике в рабочем вопросе и др. В послереволюционный период, потеряв свои доходы вследствие национализации, А.А. Федотов поступил на службу в органы новой власти, используя свои знания и опыт в сфере восстановления и развития советской текстильной промышленности. Впервые подвергся аресту в 1919 г. как участник по версии чекистов кадетского «Тактического Центра», но весной 1920 г. был выпущен на свободу. В 1920-е гг. один из руководителей Всероссийского текстильного синдиката, с 1927 г. председатель Коллегии Научно-исследовательского текстильного института. В 1928 г. удостоен звания «Заслуженный деятель науки и техники». Став профессором экономики, читал курсы в Текстильном институте и Институте народного хозяйства им. Плеханова. Будучи арестован весной 1930 г., не сразу начал давать нужные чекистам показания, но затем безропотно действовал на суде в рамках согласованного сценария. После завершения процесса, как и другие осужденные сопроцессники, работал в качестве заключенного на различных текстильных предприятиях в Орехово-Зуево и Москве. По семейным сведениям, был освобожден в 1937 г., но затем вновь арестован в 1938 г. и выпущен на свободу в 1939 г. Скончался в Москве в 1940 г. (Иртенкина Н.В. *Русский инженер, один из «Промпартии»: А.А. Федотов // Историческое обозрение. 2019. № 20*).

10. В ходе завершаемого накануне процесса судебного следствия, проводившегося в ноябре 1930 г. следователем по особо важным делам при Прокуроре РСФСР Левентоном при предъявлении обвинения Федотову в том, что тот знал и разделял планы интервентов «об отторжении от СССР значительных территорий и лишением страны экономической независимости», сам Федотов потребовал письменно зафиксировать свое возражение по данному пункту обвинения в следующей форме: «Со всей решительностью заявляю, что ...я не знал о намерениях Торгпрома поступиться территорией нашей страны и ее экономической независимостью в качестве компенсации интервентам» (*Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2017. Кн. 2. С. 125*).

О позиции Н.Д. Кондратьева с его несогласием о наличии связей с интервенционистами Сталин в письме к Менжинскому в начале октября 1930 г. рекомендовал следующее: «...провести сквозь строй гг. Кондратьева, Юровского, Чаянова и т.д., хитро увливающих от “тенденции к интервенции” ... и строжайше допросить их о сроках интервенции...». (*Опубликовано: Коммунист. 1990. № 11. С. 99–100*). Отмеченное выше подтверждается показаниями арестованного по делу «Промпартии» С.А. Предтеченского, оказавшегося накануне нового 1931 г. в одной камере с Н.Д. Кондратьевым: «...со слов Кондратьева выяснилось, что при первых его показаниях в СО ОГПУ ему удалось удачно обойти вопрос об отношении Т.К.П. к 1) интервенции, 2) организации восстаний и военных групп, 3) заграничным деньгам» (*Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2017. Кн. 2. С. 171*).

11. В первоначальных своих показаниях от 21 сентября 1930 г. Рамзин весьма неопределенно характеризовал контуры политической и экономической программы мифической «Промпартии», оправдывая это разногласиями внутри самого руководящего круга. Тем не менее он полагал невозможным возврат к монархии и считал возможной формой правления буржуазно-демократическую республику. В экономической области он полагал разрешить проблему как возврата бывшим владельцам национализированной у них собственности, так и сохранения под контролем государства созданных за годы советской власти новых и значительно реконструированных старых предприятий. По мнению Рамзина, при столкновении интересов бывших владельцев предприятий, которые затем перешли в государственную собственность, и интересов государства вопрос мог быть разрешен за счет акционирования таких предприятий с распределением доли акций и средств, получаемых участниками в качестве компенсации и теми, которые оставались бы в распоряжении государства. Соответственно, предложенная им схема экономики могла быть гибридной, где восстанавливалась бы частная собственность при сохранении и доминировании государственной собствен-

ности, что могло расцениваться как своеобразный государственный капитализм. В то же время при возрастании роли государственного сектора экономики такую схему можно было бы рассматривать и как раннюю форму государственного социализма (*Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2017. Кн. 2. С. 125*). В дальнейших своих «показаниях», написанных в промежутке между 29 сентября и 1 октября 1930 г., Рамзин упоминал, что более левые члены «Промпартии», стоявшие на позициях государственного капитализма, рассматривали перспективы проведения индустриализации страны замедленными темпами, тем самым ища контакты и поддержку у влиятельных правых коммунистов во власти (*Там же. С. 165*).

Необходимо отметить, что вплоть до середины 1920-х гг. в среде самого большевистского руководства не существовало единства относительно политико-экономической характеристики послереволюционного строя. Часть лидеров, опираясь на поздние высказывания В.И. Ленина о том, что многоукладность экономики после окончания Гражданской войны подразумевала наличие не только мелкотоварного производства, но и допущение под контролем государства элементов частного предпринимательства, концессий и т.д., полагала, что в советской экономике существует государственный капитализм. На XIV съезде партии в декабре 1925 г. в ходе дискуссии Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев обосновывали тезис о том, что государственный сектор в экономике носит переходные черты, сохраняя признаки, присущие госкапитализму, расцененный большинством партийного руководства как неверие в «строительство социализма в СССР». В резолюции съезда осуждались попытки «рассматривать наши предприятия... как предприятия государственно-капиталистические» (*КПСС в решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Ч. 2. С. 77*).

12. В ходе завершающего периода следственных действий перед процессом, проводившихся следователем при прокуроре РСФСР Э.Э. Левентоном в первой половине ноября 1930 г., на котором обвиняемым предъявлялись обвинения по самым тяжким пунктам статьи 58 УК РСФСР (п. 3, 4, 6), подразумевавшим «государственную измену», «сношения с представителями враждебных государств», «шпионаж», некоторые из них пытались зафиксировать в протоколах возражения против ряда инкриминированных им действий. Так, И.А. Калинин отрицал факт получения денег от французского дипломата и не участвовал в дальнейшем их распределении: «Правда, Ларичев предлагал мне деньги за составление экономических обзоров <...> но я этих обзоров не составлял, а потому я отказался от получения этих денег» (*ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-42280. Т. 10 Л. 166*). Н.Ф. Чарновский также отрицал получение себе лично и передачу каких-либо денег для других. Кроме того, он добавлял: «Сведений военного характера я не собирал, но по роду своей работы сведения по военной промышленности ко мне поступали в порядке рассмотрения проектов заводов, имеющих оборонное значение» (*Там же. Л. 184–184 об.*). Наиболее развернутую аргументацию своих возражений против отдельных предъявленных ему обвинений высказывал А.А. Федотов. Помимо категорического отрицания своей причастности к согласию руководства «Промпартии» (Рамзин) на раздел страны в ходе иностранной интервенции, он также отрицал свое участие и активную роль в создании самой организации, а хотя и «был избран членом ЦК Промпартии, но без моего ведома» (*Там же. Л. 240–240 об.*).
13. Чарновский Николай Францевич (1868–1938) – профессор, специалист в области металлургии и машиностроения. Окончил физико-математический факультет МГУ (1891). Впоследствии получил диплом инженера-механика в МВТУ (1896). После окончания училища работал на заводах в Мытицах, затем в Сормово (1899–1907). В 1907 г. начал преподавать на инженерно-механическом отделении МВТУ. Также читал курсы в Московском коммерческом институте (МКИ) и других технических вузах. Получил звание профессора в 1914 г. по кафедре технологии металлов и дерева МВТУ. В советское время занимал должность председателя Научно-технического совета (НТС) металлургии ВСНХ СССР. Арестован в 1930 г. по делу «Промпартии», в котором был одним из главных фигурантов. Осужден к высшей мере наказания с заменой приговора 10 годами заключения. Находясь в заключении, работал в закрытом ОКБ системы ОГПУ НКВД в г. Ковров (совместно с сопроцессником И.А. Калининковым). В ноябре 1937 г. вновь арестован и расстрелян в марте 1938 г.
14. Вышинский имел в виду сборник под редакцией И.И. Ходоровского, в котором собраны мнения ведущих инженеров того времени о путях реорганизации высшей школы. Публикация появилась в контексте решений июльского пленума ЦК ВКП(б) 1928 г., ставшего прологом части реформы вузов 1930–1931 гг., направленной на подчинение образования производству, в том числе за счет сокращения часов теоретического обучения. Н.Ф. Чарновский вполне конкретно сформулировал свое видение проблемы: «необходимым фундаментом всего высшего технического образования является достаточно глубокая и широкая база научно-техническая; усвоение общих научных основ должно быть первой задачей школы; усвоение технических дисциплин в качестве общей технической базы всех специальностей есть вторая задача ее» (*Чарновский Н.Ф. Какого инженера должны готовить наши вузы: отзывы деятелей промышленности, науки и техники / под ред. И.И. Ходоровского. М.; Л.: Наркомпрос РСФСР, 1928. С. 157*). Н.Ф. Чарновский разбирался в том, о чем говорил, поскольку не только преподавал, но и занимался научной организацией труда в промышленности. По мнению историка А.Д. Кузьмичева, Н.Ф. Чарновский был создателем первого в мире учебника по промышленному менеджменту («Организация промышленных предприятий по обработке металлов») (*Кузьмичев А.Д. Н.Ф. Чарновский и становление научного менеджмента в России // Российский журнал менеджмента. 2012. № 3. С. 166–167*). В пользу его правоты свидетельствует и тот факт, что с 2011 г. в МГТУ (ранее МВТУ им. Баумана, где до ареста в 1930 г. многие годы преподавал Чарновский) проходит ежегодная конференция, названная его именем – «Чарновские чтения».

15. Логика сталинской индустриализации требовала подчинения ей всех сфер жизни общества, в том числе научно-образовательной. В ходе реализации масштабных промышленных проектов, сопровождавшихся массовым вводом в эксплуатацию нового оборудования, достаточно быстро обнаружился дефицит инженерных кадров. По мере обострения кризиса большевики перешли от дискуссий 1928 г. к решительным мерам. В ноябре 1929 г. пленум ЦК ВКП(б) принял решения, ускоряющие подготовку специалистов: сроки обучения снижались с 6 до 3,5–4 лет, теоретические дисциплины сокращались за счет увеличения практики, дипломные проекты отменялись (*КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): М., 1984. Т. 5. С. 19–22*). Вторым компонентом реформы было постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» (23 июля 1930 г.). Провозглашалось переустройство системы высшего образования «на основе решительного сближения теоретического обучения и производственной практики, специализации учебных заведений по отраслевому признаку» (*Известия. 1930. 8 авг. № 218. С. 2*). Основные положения этого документа выражались в следующем: технические учебные заведения передавались в ведение отраслевых объединений ВСНХ, многофакультетные учебные заведения реорганизовывались в отраслевые, при каждом учебном заведении создавались рабфаки, вводилась обязательная система государственного распределения выпускников.

Результатом реформы стало увеличение числа студентов со 160 тыс. чел. в 1926/1927 уч. г. до 288 тыс. чел. в 1932/1933 уч. г. (*Шпикельман Р.Ю. Политика руководства СССР по реформированию высшей школы в 1930-е гг. (на материалах Иркутской области) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2013. № 2-1. С. 93*). Однако столь резкий количественный скачок вызвал снижение качества подготовки специалистов. По этой причине уже в 1932 г. отменили ряд радикальных мер, в том числе была восстановлена традиционная структура с факультетами, запрещены коллективные зачеты, возвращались сессии и обязательные дипломные работы и т.д.

Литература

Есиневич А.А. Театр абсурда или судебный процесс по «Шахтинскому делу». СПб., 2004. 159 с.

Ефимов Е., Щетинов Ю. Три процесса над старой интеллигенцией // Политическое образование. 1989. № 6. С. 69–76.

Иртенина Н.В. Русский инженер, один из «Промпартии»: А.А. Федотов // Историческое обозрение. 2019. № 20. С. 81–96.

Какого инженера должны готовить наши вузы: отзывы деятелей промышленности, науки и техники / под ред. И.И. Ходоровского. М.; Л.: Наркомпрос РСФСР, Гос. изд-во, 1928. 178 с.

Красильников С.А. Инсценирующая диктатура. 90 лет Шахтинскому процессу 1928 г. // ЭКО. 2018. № 6 (528). С. 153–174.

Крыленко Н.В. Судебные речи. 1922–1930. М., 1931. 362 с.

Кузьмичев А.Д. Н.Ф. Чарновский и становление научного менеджмента в России // Российский журнал менеджмента. 2012. № 3. С. 165–176.

Мертон Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности: в 2 кн. / отв. ред. О.Б. Мозохин. М.: Родина МЕДИА, 2014. Кн. 1. 544 с.; Кн. 2. 542 с.

Соскин В.Л. Шахтинское дело в ракурсе социально-культурного подхода // Вестник Новосибирского гос. университета. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8, № 1. С. 50–58.

Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С.А. Красильников. М.: Политическая энциклопедия, 2016–2017. Кн. 1.; 855 с.; Кн. 2. 1054 с.

Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. М.: Наука, 1972. 471 с.

Шарапов С.В. Идеолого-пропагандистское обеспечение Шахтинского судебного политического процесса (март–декабрь 1928 г.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2018. 239 с.

Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С.А. Красильников. М.: РОССПЭН, 2010–2011. Кн. 1. 975 с.; Кн. 2. 1087 с.

Шпикельман Р.Ю. Политика руководства СССР по реформированию высшей школы в 1930-е гг. (на материалах Иркутской области) // Известия Иркутского университета. Сер: Политология. Религиоведение. 2013. № 2-1. С. 91–101.

References

Efimov, E., Shchetinov, Yu. (1989). Tri protsessa nad staroy intelligentsiy [Three Trials Against the Old Intelligentsia]. In *Politicheskoe obrazovanie*. No. 6, pp. 69–76.

Esinevich, A.A. (2004). *Teatr absurda ili sudebnyy protsess po “Shahtinskomu delu”* [Theatre of the Absurd or the Trial on the “Shakhty Case”]. St. Petersburg. 159 p.

Fedyukin, S.A. (1972). *Velikiy Oktyabr’ i intelligentsiya* [The Great October and the Intelligentsia]. Moscow, Nauka. 471 p.

Irteneva, N.V. (2019). Russkiy inzhener, odin iz “Prompartii”: A.A. Fedotov [Russian Engineer, One of the “Industrial Party”: A.A. Fedotov]. In *Istoricheskoe obozrenie*. No. 20, pp. 81–96.

Khodorovsky, I.I. (Ed.) (1928). *Kakogo inzhenera dolzhny gotovit’ nashi vtuzy: otzvyvy deyatel’ey promyshlennosti, nauki i tekhniki* [What Engineer Our Universities Should Produce: Opinions of Figures from Industry, Science and Technology]. Moscow, Leningrad, Narkompros, RSFSR, Gos. izd-vo. 178 p.

Krasil’nikov, S.A. (2018). Instseniruyushchaya diktatura. 90 let Shahtinskomu protsessu 1928 g. [Staged by Dictatorship. 90 Years Since the Shakhty Trial, 1928]. In *ECO*. No. 20, pp. 153–174.

Krasil’nikov, S.A. (Ed.). (2010–2011) *Shakhtinskiy protsess 1928 g.: podgotovka, provedenie, itogi: sbornik dokumentov: v 2 kn.* [Shakhty Trial of 1928: Preparation, Conduct, Results]. Moscow, ROSSPEN. Book 1. 975 p.; Book 2. 1087 p.

Krasil’nikov, S.A. (Ed.). (2016–2017). *Sudebnyy protsess “Prompartii” 1930 g.: podgotovka, provedenie, itogi: sbornik dokumentov: v 2 knigakh* [The “Industrial Party” Trial of 1930: Preparation, Conduct, Results]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. Book 1. 855 p.; Book 2. 1054 p.

Krylenko, N.V. (1931). *Sudebnye rechi. 1922–1930* [Trial Speeches. 1922–1930]. Moscow. 362 p.

Kuz’michev, A.D. (2012). N.F. Charnovskiy i stanovlenie nauchnogo menedzhmenta v Rossii [N.F. Charnovsky and the Establishment of Scientific Management in Russia]. In *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta*. No. 3, pp. 165–176.

Merton, R. (2009). Neprednamerennyye posledstviya prednamerennogo sotsial’nogo deystviya [The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action]. In *Sotsiologicheskyy zhurnal*. No. 2, pp. 5–17.

Mozohin, O.B. (Ed.). (2014). *Kampaniya po bor’be s vreditel’stvom na ob’ektakh promyshlennosti* [Campaign Against Wrecking at Industrial Facilities]: sb. dokumentov: v 2 kn. Moscow, Rodina MEDIA. Kn. 1. 544 p.; Kn. 2. 542 p.

Sharapov, S.V. (2018). *Ideologo-propagandistskoe obespechenie Shahtinskogo sudebnogo politicheskogo protsessa (mart–dekabr’ 1928 g.)* [Ideological and Propaganda Support of the Shakhty Political Trial (March–December 1928)], Cand. hist. sci. diss. Novosibirsk. 239 p.

Shpikel’man, R.Yu. (2013). *Politika rukovodstva SSSR po reformirovaniyu vysshey shkoly v 1930-e gg. (na materialakh Irkutskoy oblasti)* [The Soviet Authorities Policy for the Reform of Higher Education in 1930s (The Irkutsk Region Case Study)]. In *Izvestiya Irkutskogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 2–1, pp. 91–101.

Soskin, V.L. (2009). *Shahtinskoe delo v raketse social’no-kul’turnogo podkhoda* [“Shahtinskoe Delo in a Foreshortening of the Socio-Cultural Approach”]. In *Vestnik Novosibirskogo gos. universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. No. 3, pp. 50–58.